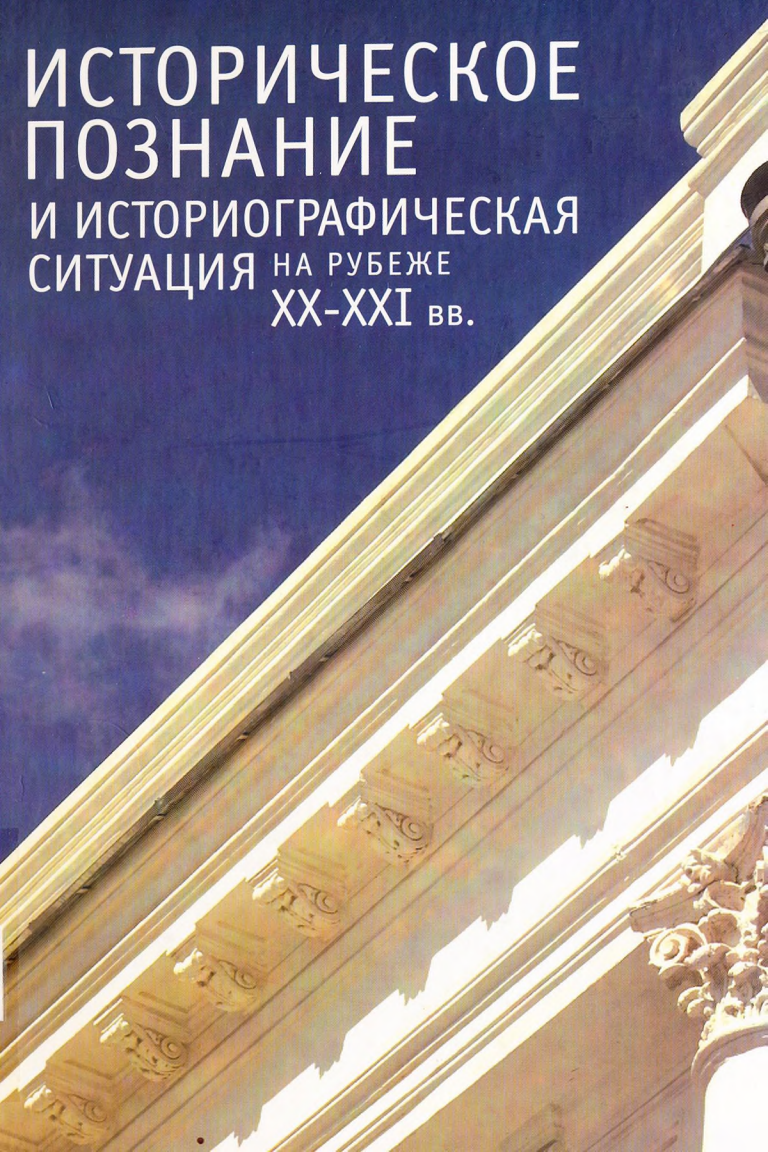

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ПОЗНАНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ НА РУБЕЖЕ
XX-XXI ВВ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.**

МОСКВА 2012

УДК 94
ББК 63.3
И 904

Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – 406 с.

В книге рассматриваются актуальные проблемы исторического познания и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. Авторы статей анализируют новейшие тенденции и подходы в области методологии истории и историографии, новации в концептуальном аппарате и инструментарии исторических исследований, предлагая различные варианты возможных в современном историческом описании исследовательских практик. Издание посвящено юбилею и сорокалетию научной деятельности заместителя директора Института всеобщей истории РАН, Президента Российского общества интеллектуальной истории, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Лорины Петровны Репиной.

ISBN 978-5-94067-364-4

© Институт всеобщей истории РАН, 2012 г.
© Российский государственный гуманитарный университет, 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Пивовар Е.И. Лорине Петровне Репиной.....	5
Историческое познание в условиях историографической революции	
Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодерна.....	7
Чеканцева З.А. Нужна ли историку теория образа? Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв.....	23
Савельева И.М. «Исторический поворот» за пределами истории	36
Зверева Г.И. О критической функции социально-гуманитарных наук в условиях воспроизводства массового медийного знания.....	55
Жосек В. О необходимости культурологической перспективы в исторических исследованиях.....	61
Ионов И.Н. Глобальная история и проблема исторического оптимизма.....	75
Тошгендаль Р. Профессионализм историков становится глобальным?.....	93
Алеврас Н.Н. История историографии, интеллектуальная история и историческая когнитивистика: к вопросу о взаимодействии, общности интересов и природе «историографического источника».....	110
Николаева И.Ю., Могильницкий Б.Г. Методологические ресурсы новой интеллектуальной истории в свете текущего этапа историографической революции.....	124
Пивовар Е.И., Цимбаева Е.Н. Влияние теории истории на развитие исторической науки.....	141
Высокова В.В. История когнитивная / история интеллектуальная: различия и точки соприкосновения.....	157
Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях.....	167
Колесник И.И. «Очарование вещами» как поворот в интеллектуальной истории.....	177

**Историографическая ситуация
и практики историописания эпохи «современности»**

Попова Т.Н. Метаморфозы историографии, или история с историей истории.....	198
Посохов С.И. Историографические образы: вариант деконструкции (на материалах историографии российских университетов вторая пол. XIX – начала XX вв.).....	216
Кузнецов А.А. Провинциальная историография России первой трети XX в.: альтернативы развития и реализованные возможности.....	239
Корзун В.П. Бои за Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества.....	257
Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Социально-ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии.....	274
Блэквелл Констанс. Неоплатонический конкордизм и определения различия.....	291
Сидорова Т.А. Ф.У. Мейтленд: признание историка, увековеченного в Вестминстерском Аббатстве.....	312
Экштут С.А. «Служил примером отличной храбрости»: генеральские награды за Бородино.....	326
Леонтьева О.Б. Тема социального раскола в историческом сознании российского общества XIX – начала XX вв.....	342
Рыженко В.Г. Личностный аспект в формировании современных горизонтальных коммуникаций: Л.П. Репина и омские историки.....	360
О новой книге Л.П. Репиной	
Селунская Н.Б. Образ истории и личность историка (по поводу книги Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»)...	375
Лаптева М.П. Раздумья на полпути: о книге Л.П. Репиной.....	391
Об авторах.....	401

Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ НОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В СВЕТЕ ТЕКУЩЕГО ЭТАПА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В 80-е гг. XX в. не только эксперты, но и многие сторонники интеллектуальной истории как особого жанра настойчиво заговорили о кризисе в дисциплине, связывая его главным образом с вызовом, который был сделан историографии социальными науками в 60-е гг. Уже тогда этот вызов рассматривался как компонент «историографической революции»¹. «Ответы» на него привели к тому, что явно или неявно были поставлены под сомнение основополагающие методологические установки интеллектуальной истории того периода, который принято называть «героническим»² и который ассоциируется с такими именами как П. Миллер, М. Курти, В. Паррингтон. Олицетворением успехов дисциплины был тот почет, которым оказались окруженным в науке их имена. В 50-е гг. XX в. американские интеллектуальные историки внесли значительный вклад в оформление одной из базовых версий истории США как истории особой и единой нации. Именно унифицированная структура идей и ценностей, по мнению создателей этой теории, определила единство американской нации и ее историческую исключительность³. Определение матрицы идей и взглядов американцев, выявление их специфики и исторической роли провозглашалось главной задачей исторического исследования.

Однако уже шестидесятые годы нанесли по этой консенсусной теории сокрушительный удар. Как отмечал Дж. Хайэм: «К концу 60-х годов все претензии, заключенные в понятиях “американское сознание”, “национальный миф”, “климат мнений”

¹ *Wood G. Intellectual History and Social Sciences// New Directions in American Intellectual History / Ed. by J. Higham and P. Conkin. Baltimore and L., 1979. P. 27.*

² *Higham J. Introduction// New Directions in American Intellectual History / Ed. by J. Higham and P. Conkin. Baltimore and L., 1979. P. XI.*

³ Наиболее законченное выражение эта теория нашла в интерпретации американской революции. См. об этом: *Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современной историографии. М., 1980. С. 74, 85, 97.*

или «либеральная традиция» были подвергнуты глубокому сомнению»⁴. Суммируя дебаты вокруг них среди участников конференции интеллектуальных историков 1977 г., Р. Велтэ отметил крепнущее осознание историков, а также то, насколько «...сложна и комплексна национальная интеллектуальная традиция», и что интеллектуальные историки на самом деле «мало знают об интеллектуальных ориентациях простых людей, чтобы пытаться определять и анализировать национальные взгляды и верования в целом». Пожалуй, в представлении сегодняшних историков, продолжал он, «национальное или региональное сознание никогда и не существовало, а если и существовало, то недоступно методам, с помощью которых интеллектуальные историки обычно анализируют свой материал»⁵ (курсив наш – Б.М., И.Н.).

Произошедшие за этот период трансформации в дисциплине позволяют говорить о том, что ситуация 80-х гг., когда по образному выражению К.М. Бейкера, интеллектуальные историки вели себя как «потерявшие ориентацию обитатели гетто, в тот момент, когда стены его рухнули»⁶, осталась позади⁷. Более того, нельзя не согласиться с экспертной оценкой ведущего аналитика в этой области Л.П. Репиной, которая так резюмировала ход трансформаций в дисциплине:

«Если «ренессанс» интеллектуальной истории в 1990-е годы оказался связан с переосмыслением самого предмета исследования на эпистемологических и методологических принципах со-

⁴ Higham J. Op. cit. P. XII.

⁵ Welter R. On Studying in national mind // New Directions... P. 64. Подробнее об этом см.: Николаева И.Ю. Проблемы интеллектуальной истории в современной американской историографии // Методологические и историографические вопросы в исторической науке. Томск. Вып. 19, 1990. С. 60-65.

⁶ Бейкер пояснял ситуацию следующим образом: В то время как всякий желающий обращается к проблеме сознания, находя новые пути анализа, интеллектуальные историки утратили веру в старые способы работы с ним и не обрели новых. См.: Baker K.M. On the Problem of the Ideological Origins of the French Revolution // Modern European Intellectual History Reappraisals and Perspectives / Ed. By Lacapra and S.L. Kaplan. Ithaca and L., 1982. P. 197.

⁷ Наиболее фундированный анализ изменений в современной интеллектуальной истории представлен в монографии Л.П. Репиной. См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 325-366.

временного социокультурного подхода, усвоившего уроки постмодернистского вызова и предложившего ему альтернативу, то гораздо в более долговременной перспективе одной из наиболее общих исходных предпосылок современной интеллектуальной истории является осознание неразрывной связи между историей самих идей и идейных комплексов, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности, с другой».

Отмечая данное условие как базовое, Лорина Петровна подчеркивала, что для реализации программы «новой культурно-интеллектуальной истории» «необходимо преодолеть разнонаправленность субдисциплинарных векторов», а также найти способы интерпретации взаимодействия различных уровней культуры, включая изучение основных свойств того «эфира культуры», который принижает ее бытование на всех уровнях⁸.

В настоящее время наметилось немало методологических перспектив для решения названных проблем. Авторы данного текста попытаются развернуть одну из них на примере анализа идей немецкого гуманиста Ганса Сакса. Его корпус идей выбран неслучайно. Во-первых, здесь есть возможность конструктивного ответа на постмодернистскую позицию, что литературный источник наиболее рельефно отражает вариативность интерпретации дискурсивного поля, а стало быть не дает возможности получения того знания, которое обозначается известной формулой «как оно собственно было», со всеми необходимыми поправками, которые внесла историографическая революция в небуквальное понимание кредо немецкого классика. Во-вторых, именно на этой исследовательской площадке возможна ситуация диалогической встречи подхода, который ассоциируется с классическим в жанре интеллектуальной истории и новыми методами культурно-социально ориентированной дисциплины, нацеленными на выявление **смыслового наполнения** генезиса и динамики этих идей в макро- и микроконтекстуальном пространстве их бытования. В этом плане опять-таки надеемся найти альтернативно-конструктивную исходной формулировке Х. Уайта⁹, иную

⁸ Там же. С. 336-339.

⁹ По мнению Уайта «... факты, с которыми работают интеллектуальные историки, отличаются от тех, с которыми имеют дело политические историки или историки-экономисты, и различие заключается в том, что эти данные дают нам прямое (выделено нами – М.Б., Н.И.) представле-

методологическую линию реконструкции *смысла идей*. Речь идет о той перспективе, которую еще в начале 80-х гг. XX в. обозначил авторитетный американский историк У. Боусма, говоря о трансформации интеллектуальной истории в регистре реализации ее открывшихся способностей иметь дело не только с формализованными системами мышления, но и с их смысловым наполнением, коренящемся на уровне более важных и глубинных пластов сознания¹⁰.

Для анализа привлекается полидисциплинарная исследовательская технология, базирующаяся на следующих методологических посылах: совместимости комплекствующих ее инодисциплинарных концептов и методов; их взаимодополняемости ввиду как общего методологического поля, так и специфически-уникальных методологических ресурсов, способных восполнить те лакуны, которые образуются при приложении иного инструментария; гарантией их способности к получению интегрального результата является их общая фокусируемость. Таким фокусом выступает сфера бессознательного, трактуемого, исходя из разных теоретических посылок, как некая матрица социально-психологических установок в поведении людей, которые **формируются в контексте жизненного опыта поколений, социальных слоев и отдельных личностей**. Используемый инструментарий, связанный с теорией установки Д. Узнадзе, идентичности Э. Эриксона, социального характера Э. Фромма, ряда культурологических концепций смеха и языка, роднит и то, что бессознательное трактуется как система, включающая не только глубинные или природные структуры человеческой психики, но и накопленный культурный багаж стереотипов, сформировавшихся при непосредственном участии сознания, однако в силу целого ряда причин существующих и действующих в границах данной системы в режиме неосознаваемости¹¹.

ние о процессах производства различными культурами смысловых систем, обеспечивающих практической деятельности аспект значимости или ценности». — *White H. Method and Ideology in Intellectual History: The Case of Henry Adams // Modern European Intellectual History. P. 306.*

¹⁰ *Bouwmsma W.Y. From History of Ideas to History of Meaning // The Journal of Interdisciplinary History. 1981. Vol. XXI. 2. P. 278, 280, 285.*

¹¹ Подробнее о конструировании и работе названной технологии см.: *Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.*

Начнем с того, что в современном гуманитарном знании недоверие к литературе как историческому источнику в существенной степени преодолено. И дело не только в том, что крупные писатели в своем творчестве решали, как доказано, свои личные проблемы, опосредованно отражавшие проблемы социальной среды, из которой они вышли, но и в том, что литература дает нам бесценный материал для реконструкции ценностных ориентаций людей, их эмоционального наполнения, а стало быть, действительности тех или иных идеалов. Поскольку автор всегда принадлежит определенной исторической эпохе и культуре, действует в рамках определенного хронотопа и так или иначе несет печать ценностных ориентиров своей среды, то литературный источник при использовании специальных методов может быть основой получения важной информации относительно как того самого «эфира», которым дышит эта среда, так и идей в ней рождающихся¹².

Если говорить обыденном языке о ментально-культурном национальном эфире немецкого общества в режиме большого времени, то, по-видимому, неслучайно, в этом языке широко бытуют клише о немецком трудолюбии, контрастирующие с оценочными представлениями об этом свойстве национального характера, к примеру, у других европейских народов. Выборка топосов языка культуры, выполненная в бахтинском исследовательском режиме, отредактированным С.С. Аверинцевым¹³, позволяет убедиться в

301 с.; *Она же*. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. 409 с.

¹² Николаева И.Ю. Литературный источник и историческое знание: Полидисциплинарный анализ плутовских романов и проблема кризиса испанского общества XVI в. // Литературный источник и историческое знание: полидисциплинарный анализ плутовских романов и проблема кризиса испанского общества XVI в.; *Она же*. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. С. 272-274, 308-358.

¹³ Который полагал, что «смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох», в режиме «большого времени». Продолжая эту мысль, С.С. Аверинцев писал: «Оно (большое время – Б.М., И.Н.) даже реальнее, чем изолированный исторический момент; последний есть по существу наша умственная конструкция, потому что историческое время – длительность, не дробящаяся ни на какие моменты, как вода, которую, по известному выражению поэта, затруднительно резать ножницами. Но совершенно понятно, почему дока-

справедливости стереотипа обыденного сознания, по крайней мере, вплоть до новейшего времени. В этом формате национально-культурный дискурс выявляет усложняющуюся смысловую повторяемость идей труда, одной из опорных линий которого является варьирование этих идей в средневековой традиции. Если мы обратимся к такому «коронному» источнику средневековой классической традиции как «Майер Гельмбрехт» Вернера Садовника (XII в.), то найдем там немало вариаций идеи необходимости и спасительной роли для общества упорного и добросовестного труда. Со свойственной национальному дискурсу дидактичностью в нем утверждается максима значимости труда:

«Но рассуди, сынок любезный, // Кто прожил более полезно? // Прилежный пахарь или плут, // Кого ругают и клянут, // Кто на чужой беде разжился. // И против Бога ополчился? // Кто с чистой совестью живет? // Признай по чести, это тот, // Кто не словами, делом // Всех кормит в мире целом, // Хлопочет день и ночь, // Чтобы другим помочь...»¹⁴

Не случайно и выявленное А.Я. Гуревичем близкое сходство, звучащей в этой поэме темы труда, и той аранжировки, которую она получила в проповедях одного из самых популярных авторите-

зательному знанию без этой конструкции не обойтись; только внутри исторического момента факт в своем первоначальном контексте имеет такой смысл, объем которого поддается фиксации. Сейчас же за пределами исторического момента он попадает в новый контекст новых фактов, сплетается с ними в единую ткань, становится компонентом рисунка, проступающего на этой ткани и на глазах усложняющегося, и тогда смысл его имеет уже не только границы объема, сколько опорные динамические линии, куда-то идущие и куда-то указывающие». См.: *Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности // *Новый мир.* 1988. № 7. С. 210-211.

¹⁴ См. об этом: *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 264-277. Заметим, что выраженное осознание значимости своего труда, которое проявляется во множестве реплик Гельмбрехта-отца, настаивающего, что крестьянин является кормильцем всего общества и его моральной опорой, само по себе симптоматично. Именно в условиях экономического подъема Германии эпохи классического средневековья, когда появляются преуспевающий слой крестьянства, могла сформироваться психосоциальная идентичность тех, кто состоялся и не был обременен комплексом социальной неполноценности. *Вернер Садовник.* Крестьянин Гельмбрехт. М., 1972. С. 532.

тов престонародной аудитории южно-немецких городов Бертольда Регенсбургского¹⁵.

В немецкой балладе «Крестьянин и рыцарь» (записана в XV веке) акцентируется достоинство труда труженика-крестьянина в противовес дутому самолюбованию тунеядца-рыцаря. На похвалу рыцаря своей знатностью крестьянин отвечает следующим образом: «А я горжусь, что я тружусь и хлеб насущный сею. // Когда б не сеял я зерно, не рыл бы огород, // Подох бы с голоду давно твой знаменитый род»¹⁶.

Примечателен сам факт появления в германской средневековой культурной традиции текстов, утверждающих значимость труда, чего мы не встретим в других культурно-национальных дискурсах западноевропейской цивилизации в это время, не говоря уж о дидактически-морализирующем тоне звучания означенных идей. Назидательность артикулирования темы добросовестного труда в этих текстах вполне коррелирует с сатирическим высмеиванием С. Брантом в знаменитом «Корабле дураков» недобросовестных мастеров, которые «работают того лишь ради, // Чтобы соседу быть внакладе», которые «сбивают цену, нерадивцы, // Плохой работой» и «свои изделия сбыть готовы // Все нынче по цене дешевой. // Но вещь плохая не нужна, // Как дешева не будь она»¹⁷.

В этот же культурный ряд вписывается смысловая нагрузка идей труда у Ганса Сакса. Своеобразная квинтэссенция смысловой стилистики идей труда поэта наиболее емко выражено эпилогом к его знаменитой «Шлаурафии»: «Трудитесь! Мир не будет раем // Для тех, кто хочет быть лентяем»¹⁸.

¹⁵ См.: Там же. С. 200-203, 265. В его проповедях уже звучит мотив оправдания «честной наживы». Этот мотив будет одним из базовых для понимания связи динамики трудового ментального и поведенческого кода и той, по выражению Э.Ю. Соловьева, религиозной санкции, которую он получит в реформационной идее Лютера о том, что собственная совесть христианина являлась мерилем его праведности.

¹⁶ Вернер Садовник. Указ. соч. М., 1972. С. 532.

¹⁷ Брант С. Корабль дураков // Брант С. Корабль дураков; Сакс Г. Избранное: Пер. с нем / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Вишпер и др. М., 1989. С. 101.

¹⁸ Сакс Г. Шлаурафия // Брант С. Корабль дураков; Сакс Г. Избранное... С. 211.

Исследователи не раз отмечали специфику немецкого гуманизма, склонного к морализаторски-оценочному характеру выражения корпуса составляющих его идей, включая идеи труда¹⁹. Попробуем с помощью полидисциплинарного инструментария, фокусируемого на сфере бессознательного, прояснить эту специфику. Для того чтобы выявить взаимосвязь между контекстом(ами) появления таких образом аранжированных идей труда и комплексов условий бытования общества, обратимся для начала к багажу теории установки.

Каждый человек в непрерывном потоке своего исторического бытия каждодневно сталкивается со своей «еще не разрешенной задачей». На языке теории установки, потребность, «осуждающая» его на непрерывную постановку все новых и новых задач, в каждой конкретной ситуации служит своеобразным спусковым крючком для приведения в «боевую готовность» так называемой первичной, нефиксированной и нереализованной «здесь» и «сейчас» унитарной установки личности. Она представляет собой неосознаваемую готовность к осуществлению той или иной предстоящей актуальной деятельности. Она детерминирована всем прошлым опытом личности. На ее базе и формируется актуально-моментальная установка, помогающая решить возникшую проблему. Она носит неустойчивый характер.

Сходство микроисторических ситуаций и задач, с которыми сталкивается личность, как формулируется в теоретическом обосновании технологии, способствует фиксации установок, отвечающих за автоматизмы сознания и поведения личности. В процессе осуществляемой «здесь» и «сейчас» деятельности эти фиксированные установки носят неосознаваемый характер, хотя их структура содержит в себе реализовавшиеся ранее установки, **рационализированные в соответствии с возможностями понятийного аппарата общества**. Под влиянием конкретной неудовлетворенной потребности человек неосознанно «извлекает из себя» свои старые знания, весь свой прошлый опыт, куда входят и неоднократно реализовавшиеся ранее операционные или актуально-моментальные установки, выступающие теперь, как «шаблоны»

¹⁹ История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 2001.

деятельности²⁰. Еще раз подчеркнем, что эти шаблоны или автоматизмы, рационализируются на языке сформировавшихся данной культурной средой понятий (последние представляет собой нечто иное, как багаж фиксированных установок, представляющих **ценностные ориентации** людей).

Сама по себе теория установки бессильна в реконструкции матрицы человеческого сознания. Ее эвристический потенциал может быть использован, если применяющий ее исследователь будет опираться на материал, который может дать история. Именно она с помощью разного рода дисциплин может определить ту систему «объективных» координат, в которых происходит формирование потребности в решении той или иной конкретной задачи. Именно она с помощью соответствующих методик с относительно большой степенью точности может дать ответ, насколько устойчивым был тот или иной комплекс фиксированных установок, определявших латентную картину мира человека данной культуры.

А теперь попытаемся реконструировать означенные ценностные ориентиры, связанные с трудом, прибегнув помимо инструментария установки к исторической и климатогеографической информации. Для начала заметим, что не стоит переоценивать закреплённость в поведенческом коде германского общества установок в отношении своего труда, которые бы придавали ему устойчивую смысловую ценность в режиме большого времени. Процесс обретения идентичности *homo faber* в средневековую эпоху был достаточно длительным. Варвар **вынужденно** «поменял меч на орало» в процессе оседания на земле, связанного с естественно историческими последствиями великого переселения народов и образования варварских королевств. Не останавливаясь здесь на расшифровке механизма изживания функционального универсализма варварского общества, в котором полноценный его член был одновременно и воином, и крестьянином, подчеркнем, что **вынужденное** сосредоточение основной части варварского общества на производственной сфере не могло не сказаться на характере приращения ценностных установок в отношении труда. Не случайно Тацит писал о германцах, что

²⁰ Шерозия А.Е. Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы // Бессознательное: Природа, функции и методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 1. С. 53.

«...гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, – ленность и малодушие»²¹.

Известная религиозная максима «труд как наказание за грех» снимала весь комплекс мироощущений личности раннесредневекового общества, медленно осваивавшей осознание необходимости труда и ощущавшей его как тяжкое бремя. Этот труд, малообеспеченный навыками хозяйствования, приносивший скудный доход, не способствовал тому, чтобы формировалась устойчивая интенция и желание вкладывать себя в него. Бывший варвар очень медленно вырабатывал уважение к своему труду, который долгое время в условиях неразвитости рабочих навыков неизменно предполагал усталость, истощение и униженность homo faber. Думается, есть много справедливого в том, о чем писала М. Оссовская применительно к докапиталистическому времени:

«Докапиталистическому человеку не приходило в голову сколачивать состояние ежедневным трудом. Придворная служба, военная служба, наследство, ростовщичество, алхимия – вот что приходило на ум человеку, решившему разбогатеть»²².

Однако эта оценка не улавливает пусть медленного, норащения и иных представлений о труде и богатстве в разных странах и цивилизациях доиндустриального мира. Прояснение вопроса об историко-культурных мутациях этих представлений на разной национальной почве затруднено многими обстоятельствами, обусловившими отсутствие исследовательских наработок в этой области. Тем не менее, рискнем, пойдя вслед за Ф. Броделем, предположить, что относительная скудость природного ландшафта Германии²³, отсутствие здесь, в масштабе, сопоставимым с другими странами западноевропейской цивилизации, возможности

²¹ *Тацит Корнелий*. О происхождении германцев и местоположении Германии // *Тацит Корнелий*. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993. Кн. 14. С. 359-360.

²² *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987. С. 242.

²³ А.И. Патрушев писал, что германская мифология повествует нам о народе, жившем в условиях суровой и бедной природы. *Патрушев А.И.* Германская история. М., 2003. С. 25.

кормить себя другими занятиями, способствовало тому, что на заре своего становления как homo faber немец был **вынужден упорно трудиться на земле**. Эта готовность закреплялась в бессознательном и, накапливаясь веками, создавала почву для формирования устойчивых стереотипов о немецкой бережливости и трудолюбии. Эти установки получили дополнительную подпитку в условиях экономического подъема Германии эпохи классического средневековья, когда появляется преуспевающий слой крестьянства. Что не могло не способствовать формированию того слоя крестьян, чья психосоциальная идентичность не была обременена комплексом социальной неполноценности (или установками негативной идентичности на языке теории Э. Эриксона). Тем не менее, не стоит переоценивать результаты этого процесса, так как в ментальном фонде любого агента социального поля сохраняется слой прежних установок (на уровне единой нефиксированной), который может быть актуализирован при благоприятствующих тому обстоятельствах²⁴.

²⁴ Симптоматичны в этом смысле многие сцены в поэме, коррелирующие как с самим историческим знанием, так и законы функционирования установки. Это проявляется не только в том, что молодой Гельмбрехт легко и без внутреннего конфликта пошел против отцовских заветов; в условиях оживления торгово-денежной сферы и расширения материальных ресурсов семьи, загнанные в подкорку самими условиями скудного бытования раннего времени ценностные установки варварского происхождения, связанные с престижем богатства, знатности, актуализировались в архаизированном виде. Гораздо интересней образ самого майера, говорящего одно, но на деле не всегда действующего в соответствии со своими убеждениями. В свете этого примечателен визит в родительский дом Гельмбрехта-младшего через год после отъезда. Успех сопровождал его, он приехал в дорогом платье и на хорошей лошади, и кроме этого, привёз своей семье (даже служанке и работнику) подарки. Обрадованный приездом сына, которого он, впрочем, не сразу узнал в разряженном и не говорящим по-немецки всаднике, Гельмбрех-старший устроил ему радушную встречу, закрыв глаза на колкости в свой адрес и понимая, что красивая одежда и холёный конь достались его сыну отнюдь не честным путём. Относительно подарков Гельмбрехта-младшего сказано, что по крайней мере один из них – лисий мех, который был преподнесен им матери – отнят у священника. Наверняка остальные гостинцы, в том числе коса и цеп, доставшиеся Гельмбрехту-старшему, были того же происхождения. Однако майер, ругавший разбойников, грабящих крестьян, не отказался от подарка и не показал сыну-разбойнику на дверь. Юнец, как его называет автор, уехал через неделю, поскольку родительский дом по-

Морализаторский тон может быть интерпретирован и в другом регистре. Известно, что авторитарная структура сознания, характерная для всех варварских обществ, постепенно мутируя, трансформировалась в диалогическую. С неизбежностью огрубляя природу этих мутаций, подчеркнем, что Ю.М. Лотман неслучайно разводил тернарную и бинарную структуры сознания, атрибутируя первую как модальный тип для западноевропейской цивилизации, а вторую – для российской. Но и западноевропейская модель отличалась вариативностью наращивания иных, не авторитарных установок сознания. Неслучайно именно там, где античная цивилизация оставила свой четко прослеживаемый ранее след, не только в культурном багаже, но и сохранении городских элементов, рано ставших носителями новой диалогической ментальности, сформировался и новый тип сознания. Свообразным индикатором такой закономерности выступает динамика становления возрожденческого сознания, чьи ранние всходы прежде всего обнаружили на итальянской почве. Специфика же Северного Возрождения и, прежде всего немецкого, заключалась, если перевести ее характеристики на язык теории установки и социального характера Э. Фромма, в большом удельном весе сохранившихся матриц авторитарного сознания. Крупнейший специалист по искусству Северного Возрождения О. Бенеш характеризуя его черты, наряду с теми, что свойственны в целом гуманизму, выделяет те, что роднят немецкое Возрождение со средневеково-авторитарным²⁵. М.В. Володарский, В.М. Раков и ряд других

казался ему местом скучным. Перед его отъездом между отцом и сыном вновь возник спор, закончившийся тем, что Гельмбрехт-младший пообещал разорить собственную семью. Какие причины могли подвигнуть майера Гельмбрехта принять из рук сына награбленное? Вряд ли это была отцовская любовь, поскольку в конце поэмы он прогоняет изувеченного сына, не подав ему даже куска хлеба. Возможно, свет на проблему прольет тон автора, которым он описывает подарки Гельмбрехта-младшего. Вернер Садовник восхищается и даже завидует качественным красивым вещам, которые привез сын, и ни разу в этих эпизодах не звучит осуждение грабителя. Морализаторство майера и тот факт, что он закрывает глаза на неподобающее поведение в случаях, когда ему это выгодно, выявляют противоречия на уровне единой нефиксированной установки. Уверенность Гельмбрехта-старшего в правильности честного труда имеет под собой веские основания, но и варварская установка на быструю и легкую наживу репрессирована не до конца.

²⁵ В частности, он отмечает, что в Германии все художественные проблемы были оттеснены на задний план назиданием и поучением.

авторов пишут об идеолого-этической напряженности, дидактическом характере немецкой культуры эпохи Ренессанса²⁶.

Можно найти связи такого понимания сознания поэтов гуманистов немецкого Возрождения и народной ментальности широких слоев этого общества в том же самом контекстуальном пространстве, если прибегнуть к сопоставлению дискурса народных шванков и литературного творчества указанных поэтов. Одна из общих линий, объединяющих эти два дискурсивных поля, – линия, направленная на возвеличивание честного труда, добросовестной наживы богатства и негативное отношение к обману, воровству и даровому богатству, корпус, связанных с ними идей и образов, несущих печать отмеченной стилистики. В шванке «Крестьянин, который пытался обманом заполучить лошадь воина; но дело повернулось против него самого» рассказывается о том, как одному маркграфскому крестьянину приглянулась лошадь ландскнехта. Поскольку ландскнехт не хотел расставаться с лошастью, а крестьянин захотел получить ее даром, то последний прибег к хитрости: предложил купить у ландскнехта лошадь за 45 крон, при этом сказав, что 25 отдаст сразу, а 20 в день святого Никогда, рассчитывая на глупость воина. Но был наказан за свои намерения. Ландскнехт раскусил намерения крестьянина и решил его проучить. Когда настал день всех Святых, воин пришел получить свой долг. «Хо-хо, – сказал крестьянин – срок то еще не вышел и выйдет еще не скоро»²⁷. На что находчивый солдат ответил: «Поскольку святой Никогда – тоже

Произведения немецких художников были ориентированы на рассказ-поучение, примечательно, что книгопечатание и искусство графики были немецким изобретением. Выделяя морализаторство как общетипологическую черту Северного Возрождения, Бенеш даже указывая нюансы, подает их так, чтобы они еще более оттеняли северное своеобразие. Например, оговаривая, что Дюрер, самый близкий по духу к итальянскому Возрождению немецкий художник Возрождения рисует портрет Фридриха Мудрого как воплощение размышляющего духа с титаническим характером, подчеркивает, что на полотне у Лукаса Кранаха Старшего тот же персонаж предстает во всей своей прямоте, набожности, осмотрительности. См.: Бенеш О. Искусство Северного Возрождения. М., 1973. С. 106

²⁶ Володарский В.М. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения М., 2001; Раков В.М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Пермь, 1999. С. 122.

²⁷ Немецкие шванки и народные книги XVI века. М., 1990. 639 с. С. 120.

святой, я не придаю значения тому, что его нет в календаре; сколько святых причислены к святым в Нидерландах, в Италии, да и в других местах, а в наших календарях и помине нет»²⁸. Крестьянину не только пришлось удовлетворить требования ландскнехта, но к тому же понести ущерб – он был приговорен, сообщается в шванке, к выплате денежной пени за мошенничество.

Нарушение этических заповедей **честного труда, порядка во всем** оборачивается жизненным фиаско для героя другого шванка, иносказательно обыгранном в образе льва и его семейства. У льва было два сына и свадебным подарком им от него стали лес и три добрых совета.

«Возрадуйтесь, любезные сыновья, ибо все звери подвластны вам, остерегайтесь одного только человека и никогда не вступайте с ним в схватку, ибо он сильнее любого зверя. Поддерживайте хорошие отношения с соседями. Соблюдайте порядок в лесах, вам дарованных, чтобы плодилась всяческая живность»²⁹.

Старший сын оказался послушным отцу и зажил в соответствии с его советами припеваючи, как он велел, лес был в таком порядке, что *любо-дорого было смотреть, и благодаря его неустанным трудам, живность в хозяйстве преумножалась*. Младший, не последовавший наставлениям отца, растратил все наследство и остался ни с чем.

У Ганса Сакса найдется немало образов/ поучений и в смысле и в стилистическом отношении (имеется в виду назидательно-морализаторское интонирование дискурса, в котором они явлены) схожих с этими общими для народной литературы и сознания высоколобых линиями. Обратимся к источнику. В «Ленивом крестьянине и его собаках» читатель сталкивается с типичным образцом высмеивания лени и тунеядства, приводящих на языке автора к плачевно-поучительным последствиям. Крестьянин, «который только есть и пить привык», после кончины отца промотал все оставшееся ему наследство.

«Лентяй отстал от всяких дел, / Ходить за плугом не хотел / И, хлеба сеять не желая, / Не собирал он урожая», «Пора голодная настала, / Она ему и подсказала: / «Еще ты сможешь скот забить,

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 119.

/ И будет он тебя кормить!» / Своих коров, свиней, овец / Забил и слопал молодец. / А напоследок он забил / Своих волов, их засолил, / И начал, сколь душе угодно, / Их поедать поочередно». Тем временем у его собак «шел разговор об этом так: / «Смотрите, как ленив он стал, / И как наследство размотал, / И как богатство разбазарил»; «И чтоб их съели не желая, / Ушли собаки от лентяя. / Но обратимся же к морали», –

призывает поэт и выводит ее самым определенным образом³⁰.

Однако стилистика большей части его текстов интонирована мягче, нежели в приведенном. Более того, его творчество, некоторым образом выпадает из той палитры жестко дидактически-морализирующей гуманистической литературы, ярким и наиболее типичным представителем которой был, например, Себастьян Брант. Дидактика последнего всегда идет рука об руку с сатирой, в то время как поучения Ганса Сакса чаще всего исполнены если не добродушия, то живой и мягкой насмешки. Б. Пуришев одним из первых подметил эту особенность поэтического стиля художника, говоря:

«Поэту гораздо ближе мир улыбки, точнее, добродушной насмешки, не становящейся слишком резкой. Хорошо зная слабости и грешки своих соотечественников, он с мягким юмором повествует об их проступках, проказах и проделках, обнаруживая особое мастерство в изображении жанровых сценок, исполненных живости и неподдельного веселья»³¹.

Известный литературовед, по сути, дал характеристику сознания поэта, а не просто стиля. Следуя кредо одного из отцов-основателей интеллектуальной истории, П. Гэя, что «стиль – это кентавр», где за языковыми особенностями скрываются реалии сознания, можно говорить о том, что своеобразие сознания и соответственно текстов Ганса Сакса выявляет наличие в его дискурсе черт, которые можно отнести к категории тернарных. Здесь можно наметить пути, последовательное прохождение которых приведет исследователя к объяснению данной инаковости литературного стиля и сознания этого поэта в сравнении с общей спецификой национального дискурса. Эти пути так или иначе связаны с реконст-

³⁰ Сакс Г. Ленивый крестьянин и его собаки // Брант С. Корабль дураков; Сакс Г. Избранное... С. 386-388.

³¹ Пуришев Б. Себастьян Брант и Ганс Сакс // Там же. С. 25.

рукцией его идентичности. К сожалению, информация о ней скудна. Известно, что Ганс Сакс был сыном простого ремесленника, всю жизнь работал сапожником и, судя по всему, в элиту общества никогда не входил, хотя его слово было достаточно весомым для того, чтобы городской совет Нюрнберга озаботился запретить ему высказываться в поддержку идей Реформации. Напомним, что Нюрнберг в XVI в. являл собой процветающий ремесленно-торговый центр. И потому, эта скудная информация дает все же достаточные основания для предположения, что идентичность поэта несла в своей основе большой блок позитивных идентификаций. Отсюда и мягкость тональности смеха, и практическое отсутствие сатирического стиля в сравнении с его резко акцентированным присутствием у С. Бранта.

Своеобразной экспертизой сделанного вывода может послужить анализ гендерного дискурса у Сакса. В его текстах жена – незаменимый помощник, хранительница очага, которая не только ведёт хозяйство, но и может помочь мужу в мастерской или лавке, а в случае, если муж оказывается лентяем, работающая жена позаботится о нем. В шванке «Сапожник растягивает кожу зубами» молодая жена сапожника говорит, что ей неприятен запах изо рта мужа, растягивающего кожу зубами: «И от поганых этих кож твой рот на нужник стал похож». В ответ сапожник отвечает: «Ну что же, милая моя / Хочу тебя уважить я. / Раз ты того не захотела / Зубов пускать не стану в дело»³². Но это резко сказывается на бюджете семьи, уже вместо гамбургского пива в кружках пенится «бурда» и прозревшая о причинах наступившей скудости супруга отказывается от своих требований и более того, предлагает свою помощь в мастерской, причем ни как-нибудь, а «вцепившись зубами» в кожу, чтобы и достаток был прежним, и вернулось согласие в дом.

Нередко у Сакса женщины, как и в предыдущем шванке, выступают голосом разума. В «Словопрении служанки с подмастерьем» девушка отказывает подмастерью, который ей, судя по всему симпатичен, перечисляя его недостатки и упрекая за беспутное поведение³³. Еще более выразителен текст другого шванка – «Собачий хвост». В нем Ганс Сакс изобразил застольный спор знатных дам и рыцарей. Одна из женщин на упрёки в

³² Ганс Сакс. Указ. соч. С. 390.

³³ Там же. С. 222-226.

расточительности, суетливости и прочих недостатках прекрасного пола, гневно отвечает:

«Мы вам наследников рожаем, / Вас вкусной пищей убожаем,
/ Вам помогаем в трудный час», «Мы создаем во всем порядок
/ Заботимся, чтоб стол был сладок, / Дом чист, одежда хороша?
/ Мы зря не выкинем гроша»³⁴.

Иными словами, добродетели жен бюргерского сословия в этом случае экстраполируются и на среду аристократии. Конечно, можно предположить, что речь идет всего лишь об экстраполяции Саксом ценностей своего сословия на дворянство, но это не совсем так. В XVI веке уважение к рыцарству среди простонародья было подорвано, и мейстерзингеру ничего не стоило выставить благородных дам легкомысленными транжирами, а в качестве добродетельных жён воспевать горожанок среднего достатка. Но он этого не делает: в его произведениях этими добродетелями наделены женщины всех сословий. Более того, другие источники, например, биография Катарины Лютер (в девичестве фон Бора), подтверждают, что для немецкой дворянки ведение домашнего хозяйства не было зазорным, так что Ганс Сакс не погрешил против истины.

Но для нас в данном случае важно не только то, какими добродетелями бюргерского свойства наделяет поэт женщин, но и то, каким образом он это делает. Иными словами, почти партнерский статус женщин с мужчинами в текстах Ганса Сакса красноречиво свидетельствует о корректировке гендерной асимметрии, коррелирующей общему характеру нарастающей тернарности в структуре сознания.

Формат данного текста не позволяет развернуть полновесную реконструкцию смыслового поля текстов Ганса Сакса как выражающих общую историко-культурную специфику немецкого сознания и одновременно инаковости сознания поэта. Но авторы надеются, что абрисно обозначили возможности новой интеллектуальной истории, которые вырисовались в ходе ее обогащения за счет диалога с концепциями и инструментарием других гуманитарных наук.

³⁴ Там же. С. 301.